

микромира, который способен вобрать в себя самое существенное из лежащих вне его огромных явлений» [11, с. 57].

Призраки, действующие в сатирах Щедрина, всегда поставлены в такие условия, где на передний план выступает «шкурный» интерес; следовательно, гротескному изображению подвергается обычно тот период жизни героев, когда, жертвуя остаточными человеческими качествами, они добиваются разрешения сказать: «...щи из кислой капусты, поросенок под хреном, жаркое, рябчики, пирог из яблоков, а на закуску: икра и балык — вот мой образ мыслей!» [1, т. 14, с. 284].

Выявление целей сатирика, побудивших его обратиться к заимствованиям, и возможностей их осуществления, предоставляемых социально-психологическим и нравственно-эстетическим «реноме» первообразов, позволяет сформулировать главные критерии, положенные в основу предлагаемой нами классификации заимствованных Щедриным героев предшествующей русской литературы.

Классификация, учитывающая целеполагание как основу организации эстетической структуры и инструментальный характер образов второго порядка, покоится на следующих критериях: а) характер *взаимодействия* заимствованных героев с новой средой обитания; б) мера комической конфликтности между читательским восприятием первообраза и образа второго порядка.

Такая точка зрения позволяет вычленить *три группы* заимствований.

Первую группу вторичных образов составляют *образы-цитаты*. Термин «цитата» указывает на то, что они используются в полном соответствии с традицией материнского произведения, не получая у Щедрина никакого развития, кроме формального, куда относятся перемена места службы, повышение в чинах и т. д. В эту группу входят комедийные персонажи Фонвизина, Грибоедова (исключая Чацкого и Молчалина) и Гоголя.

Характер взаимодействия их с новой средой предельно прост. Испытывая на себе ее воздействие, герои этого ряда несколько не деформируются, ибо оказываются идеальными для новой среды, сосуществуют с ней в полном равновесии. Между ними и средой происходит как бы реакция растворения: они совмещаются, распределяя молекулы своего сатирического первообраза среди молекул оказавшегося питательным для них «настоя» нового времени. Образуется сатирически насыщенный «эликсир жизни» 70—80-х годов, настоящий на типе жизнедеятельности Скотининых и Собакевичей. Целевая установка Щедрина намеренно снижает сложнейшие социально-психологические процессы до уровня элементарных реакций простых органических веществ, заостряя внимание на примитивности типов, подвергшихся «захвату» средой.

Конфликт между восприятием первообразов и образов-цитат отсутствует, поскольку Щедрин использует их в том закрепленном в сознании читателей значении, какое они получили в материнском произведении, прямо продолжая традицию авторов. Комический эффект создается перекрещиванием, «совмещением» [12, с. 190] временных пластов, свидетельствующим о тождественности настоящего с прошлым.

Обращаясь к общеизвестным именам, сатирик оперировал понятийными категориями, позволявшими разоблачать «эпидемическую нравственную перепутанность» [1, т. 6, с. 395] жизни, заключенную в «скитаниях из одного призрака в другой» [1, т. 6, с. 396]. Закрепление за каждым из привлеченных образов понятийного ярлыка — органическое свойство природы образов-инструментов, возникающих в ткани щедринского повествования там и тогда, где и когда является необходимость поставить эстетический диагноз среде, растворяющей останки прошлого без видимого ущерба для себя.

Характеристика литературных заимствований этого ряда лишь в качестве объектов «засасывающей» их среды способствовала углублению